

DOI 10.15826/qr.2024.4.950

УДК 27–788 + 94(470)"16/19" + 94(470.341–25)"16/19" + 27–788–055.2 +
+ 821.111(73)–3ВагнерУ

Православное монашество в изменчивом мире: взгляд из Нижнего Новгорода*

Рец. на кн.: *Wagner W. G. Orthodox Sisters. Religion, Community, and the Challenge of Modernity in Imperial and Early Soviet Russia.* – Ithaca : Northern Illinois Univ. Press, 2024. – 404 p.

Джеймс Уайт

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Orthodox Monasticism in Changing Times: The View from Nizhny Novgorod**

Rev. of: *Wagner, W. G. (2024). Orthodox Sisters. Religion, Community, and the Challenge of Modernity in Imperial and Early Soviet Russia.* Ithaca, Northern Illinois Univ. Press. 404 p.

James White

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The late American scholar William G. Wagner (1950–2021) has posthumously published a monograph dedicated to Orthodox female monasticism in the Russian Empire. At the centre of the work is the Nizhny Novgorod convent of the Exaltation of the Cross, extant in one form or another from the seventeenth century until 1935: thus, Wagner's scholarship seeks to contribute to the growing historiography on Russian Orthodox monasticism in the imperial period. Using both central and local archival deposits, Wagner highlights the relationship between the convent and the modernising state

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** *Citation*: White, J. (2024). Orthodox Monasticism in Changing Times: The View from Nizhny Novgorod. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 4. P. 1511–1523. DOI 10.15826/qr.2024.4.950.

Цитирование: White J. Orthodox Monasticism in Changing Times: The View from Nizhny Novgorod // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 4. P. 1511–1523. DOI 10.15826/qr.2024.4.950 / Уайт Дж. Православное монашество в изменчивом мире: взгляд из Нижнего Новгорода // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 4. С. 1511–1523. DOI 10.15826/qr.2024.4.950.

and society around it. In the eighteenth century, the convent was transformed by state policies that sought to simultaneously limit monasticism, make monasticism socially useful, and subject monasticism to increased levels of both government and ecclesiastical control. Meanwhile, the social composition of the convent's sorority suggests its close links with the commercial city of Nizhny Novgorod, with a preponderance of members being widows or older unmarried women from the merchant, army, and clerical estates. In the first half of the nineteenth century, consecutive abbesses successfully enforced the convent's transformation from an idiorhythmic to a coenobitic community: this period also saw the convent offer new social welfare services and develop its financial resources through the creation of an endowment. By the early twentieth century, the convent had become one of Nizhny Novgorod's largest and richest monastic communities, patronised by the imperial family, the city's wealthy capitalists, and a wide variety of pilgrims. Through its successful combination of innovation and tradition, the convent became a strongly bound religious community thoroughly integrated with surrounding society, which enabled it to survive for seventeen years of severe restriction in the militantly atheist Soviet Union.

Keywords: Orthodox monasticism, Russian Empire, Nizhny Novgorod, nuns, convent, modernity

Посмертная монография американского историка Уильяма Г. Вагнера (1950–2021) посвящена православному женскому монашеству в Российской империи. В центре работы – Нижегородский Крестовоздвиженский женский монастырь, существовавший с XVII в. до 1935 г. Используя материалы как центральных, так и местных архивных фондов, Вагнер подчеркивает связь между монастырем, модернизирующимся государством и обществом. В XVIII в. монастырь был подвержен влиянию государственной политики, которая была призвана одновременно ограничить монашество, сделать его социально полезным и подчинить строгому государственному и церковному контролю. Социальный состав сестричества монастыря свидетельствует о его тесной связи с торговым Нижним Новгородом: среди его членов преобладали вдовы или пожилые незамужние женщины из купеческого, военного и духовного сословий. В первой половине XIX в. монастырь расширял свою деятельность в области социального призрения и развивал финансовые ресурсы за счет создания своеобразного эндаумента. К началу XX в. монастырь стал одной из богатейших нижегородских монашеских общин, которой покровительствовали императорская семья, богатые капиталисты города и разнообразные паломники. Благодаря удачному сочетанию инноваций и традиций он стал общиной с крепкими внутренними связями и при этом глубокой интеграцией в окружающее общество, что позволило ему выжить в течение 17 лет жестких ограничений в Советском Союзе.

Ключевые слова: православное монашество, Российская империя, Нижний Новгород, монахини, женский монастырь, современность

В последние три десятилетия наблюдается рост числа научных работ, посвященных русскому православию имперской эпохи. Немалое внимание было уделено теме монашества: историки рассматривали монашество в целом [Смолич; Монашество и монастыри в России; Зырянов], отдельные монастыри на протяжении относительно длительных периодов времени [Денисов; Овчинников; Шкаровский; Kenworthy; Miller], влияние отдельных государственных и церковных реформ на монастыри [Богданова; Ефремова], изменения в способах формирования монастырей [Meehan-Waters], роль монастырей в имперском пограничье [Дмитрук; Евфимия; White], отношения между монастырями и городскими и сельскими общинами [Емченко] и роль монастырей как тюрем [Монастырь и тюрьма; Demoskoff]. Монашество имперской эпохи вызывает такой интерес отчасти из-за своей драматической истории: от сильного упадка в XVIII в. в результате закрытия монастырей и секуляризации земель, санкционированной государством, до быстрого возрождения в XIX в., когда монастыри оказались в центре таких новых явлений, как массовое паломничество на дальние расстояния. Если выразить эту историю в цифрах, то в 1701 г. насчитывалось 965 монастырей, а в 1724 г. – 25 207 монашествующих. К 1825 г. осталось всего лишь 476 монастырей и 11 080 монашествующих, но затем начался резкий подъем, и к 1914 г. насчитывалось 1 025 монастырей и 94 629 монахов и монахинь [Wagner, 2024, p. 228–229]. В то же время характер монашества и монахов претерпел глубокие изменения: от преимущественно мужских (80,3%), в основном аристократических, идиоритмических институтов в начале XVIII в. до значительного увеличения числа женских монастырей (46,3%), общежительных с преобладанием крестьянства, к началу XX в. В процессе этого возрождения аскетическое монашество стало едва ли не определяющей характеристикой русской православной идентичности [Michelson].

Интерес представляет и вопрос, как монашество имперской эпохи сочетало в себе традиционное и современное: в Российской империи золотой век паровоза, фабрики и телеграфа был также золотым веком монастыря и паломничества. Изучению взаимодействия современности и православного монашества посвящена и новая книга Уильяма Г. Вагнера о нижегородском Крестовоздвиженском женском монастыре. Вагнер, к сожалению, ушедший из жизни в 2021 г., начал свои исследования с новаторской для своего времени проблематики, касающейся истории женщин и права в Российской империи [Wagner, 1994], а впоследствии занялся изучением роли женщин и гендера в Русской православной церкви [см., например: Wagner, 2007]. Таким образом, рассматриваемая книга является завершением исследовательского проекта, длившегося десятилетия.

Ключевой для концепции Вагнера является работа американского историка религии Роберта Орси [Orsi]. Недовольный грубыми телеологическими версиями тезиса о секуляризации (согласно которым религия, религиозные институты и религиозное поведение обязательно

вступают в односторонний процесс упадка по мере модернизации общества), Орси вместо этого предлагает понятие переплетения (braiding), в котором традиции и инновации соединяются и дают множество порой противоречивых результатов. В качестве примера можно привести активизацию института паломничества в позднеимперский период, когда преобразования в транспортной инфраструктуре и массовая грамотность привели к возникновению культуры массового паломничества. Популярным монастырям пришлось приспособливаться к возросшему трафику, а некоторые комментаторы выражали обеспокоенность изменениями, происходившими в характере паломничества (из тяжелого испытания, предпринимаемого пешком и мотивированного религиозными убеждениями, оно превращалось в относительно легкое путешествие на поезде, совершаемое скорее из любопытства, чем из благочестия). Таким образом, Вагнер избегает того, чтобы рассматривать отношения между выбранным им монастырем и современностью как антагонистические: по его мнению, иногда противоречивое, иногда гармоничное сплетение современных и традиционных элементов привело к тому, что монастырь стал неотъемлемой частью современного общества.

Значительная часть книги посвящена отношениям между монастырем и внешним миром, в данном случае Нижним Новгородом и Нижегородской губернией. Автор обращается к социологической концепции «религиозных виртуозов», чаще всего используемой для изучения тенденций развития римско-католического монашества. Согласно этой концепции, хотя сообщества таких «виртуозов» часто определяются их отречением от светского мира, они обязательно оказываются вовлечены в отношения и обмен с этим миром. Как следствие, происходит проникновение элементов светской жизни в жизнь религиозных сообществ. Этот процесс становится толчком к очистительной религиозной реформе, направленной на восстановление некоего утраченного идеала, хотя видение этого идеала зачастую анахронично и само заимствовано из окружающего социального, культурного и интеллектуального контекста.

В первой и второй главах своей работы Вагнер отмечает, как идиоритмическая жизнь монахинь Крестовоздвиженского женского монастыря в XVIII и начале XIX в. послужила толчком для нескольких настоятельниц и епископов к реформированию монастыря по общежительному образцу. Предполагалось, что монашеская жизнь вернется от довольно индивидуализированного состояния (когда многие монахини содержали себя на заработки в городе и выбирали собственную форму монашеской дисциплины) к более раннему идеалу затворнической общины относительно равных сестер, подчиняющихся одному правилу и поддерживаемых общими финансами. Это сделало монашество доступным для женщин из более низких социальных слоев: монастырь стал лучше отражать демографические изменения, происходившие в промышленном городе и привлекавшие все больше крестьян из окрестных деревень.

Еще одна важная тема работы Вагнера – это место гендера в истории русского православного монашества. Здесь он отчасти опирается на идеи британского историка Каллума Брауна, который первым предложил термины «феминизация благочестия» и «пиетизация женственности» [Brown]. Это означало, что в некоторых европейских странах в XIX и XX вв. религия стала рассматриваться в основном как часть женской сферы, а сами женщины все больше определялись как более набожные и религиозно ориентированные от природы, чем мужчины. Как отмечает Вагнер (а также другие авторы), следует проявить некоторую осторожность в применении этой концепции к имперской России: хотя женщины, безусловно, стали гораздо более заметной частью русского православного монашества к концу XIX в., однако, как показывает исследователь в пятой главе своей книги, из дебатов в прессе о монашестве в начале 1900-х гг. можно заключить, что в основном его продолжали рассматривать как большей частью мужское занятие. Тем не менее, гендерный подход к истории монашества в Российской империи, безусловно, необходим, чтобы объяснить, почему женщины находили монастыри приемлемым вариантом жизни, как женская власть (настоятельницы и другие служители монастырей) действовала в рамках подавляющей мужской церковной иерархии и как монастыри формировали и формируют понимание роли женщин в обществе в целом.

Ученый часто использует сравнительный подход. На протяжении всей книги Крестовоздвиженский монастырь сравнивается обычно на трех уровнях: с другими монастырями Нижегородской епархии, с другими монастырями (мужскими и женскими) Российской империи и с монашеством других конфессий, в первую очередь римско-католической церкви, но иногда и протестантских церквей (где в XIX в. возникло движение диаконис). События, происходившие в Крестовоздвиженском женском монастыре, подробно рассматриваются в местном, национальном, международном и межконфессиональном контекстах.

В первой главе Вагнер рассматривает в основном период XVIII в., знакомя читателя с тремя общинами, которые объединились в Крестовоздвиженский монастырь: это Происхожденский, Зачатьевский и Воскресенский монастыри. Все три были идиоритмическими (Зачатьевский монастырь начинался как общежительный, но стал идиоритмическим в результате пожара в 1743 г.). В начале XVIII в. мужские монастыри Нижегородской епархии были более многочисленными, населенными и богатыми, чем женские.

Основным преобразованием, которому подверглись эти общины в XVIII в., стала государственная реформа монастырей, начавшаяся с законодательства, принятого Петром I в 1694–1722 гг., и закончившаяся секуляризацией церковных земель Екатериной II в 1764 г. В целом эти реформы были направлены на использование монастырских ресурсов на благо государства, расширение контроля церковных властей над монастырями и ограничение доступа в монастыри для экономически

активных подданных. Небольшие монастыри закрывались или объединялись, устанавливались возрастные ограничения на вступление в них, монастырские земли и крестьяне секуляризировались. Монастыри должны были расширить свою социальную роль, в частности, выступая в качестве госпиталей и домов престарелых для солдат.

В результате этих изменений к концу века в Нижегородской епархии действовали только два женских монастыря (один из них – Крестовоздвиженский) и восемь мужских. Земельные владения были конфискованы, хотя, возможно, это не слишком сильно затронуло Крестовоздвиженский монастырь: его земельные владения были невелики, и большинство монахинь в той или иной степени обеспечивали себя сами, что было характерно для идиоритмических учреждений. Пожертвования, чаще всего от представителей купеческого сословия, также служили источником финансирования. Хотя закрытие сельских монастырей привело к тому, что сразу после 1764 г. в Крестовоздвиженский женский монастырь стало поступать больше незамужних женщин и молодых крестьянок, его социальный состав остался таким же, как и у трех его предшественников: большинство из примерно 44 монахинь, как правило, были пожилыми вдовами солдат, священнослужителей и различных категорий городских жителей-налогоплательщиков (как отмечает исследователь, социальная терминология претерпевала в этот период изменения). Состав монастыря отражал демографию Нижнего Новгорода XVIII в.: около половины его населения (около 5 тыс. чел. в 1700 г., 11 тыс. чел. в 1800 г.) составляли военные и гражданские служащие, а другая половина относилась к посадским (мещанам). Монастырь, очевидно, рассматривался как надежное место пребывания для женщин, которые выполнили свою роль в семье и могли иметь определенную финансовую независимость, чтобы содержать себя: в этом смысле реформы XVIII в. мало что изменили, поскольку женский монастырь и его предшественники, по-видимому, служили в основном домами престарелых. Что касается религиозной жизни монастыря и его участия в религиозной жизни города, Вагнер может сделать лишь некоторые предположения, поскольку источники по этому периоду очень ограничены.

В XIX в. Крестовоздвиженский женский монастырь преобразился, превратившись в один из богатейших монастырей Нижегородской епархии. Ученый понимает это преобразование как происходящее в два разных периода: первый – между 1800 и 1857 гг., второй – между 1861 и 1900 гг. Первый такой период рассматривается во второй главе, и повествование заканчивается, когда монастырь из третьеклассного превратился в первоклассный. Здесь основное внимание уделяется руководству двух ключевых настоятельниц – Дорофеи (1802–1831) и Веры (1831–1857). Основопологающим фактором преобразований стало превращение монастыря в 1806 г. в общежительный, что предусматривало совместное использование ресурсов, единый стиль одежды и строгое соблюдение поведенческих норм. Это также привело к расширению

полномочий настоятельницы и других должностных лиц монастыря, которые теперь отвечали за распределение работ, решение других задач и за соблюдение правил монастыря.

К счастью, хотя настоятельницы происходили из совершенно разных социальных слоев (Дорофея была дочерью знатного дворянина из Саратовской губернии, Вера – неграмотной дочерью сельского священника), они обе обладали качествами, необходимыми для лидерства: Дорофея имела многочисленные связи с высокопоставленными вельможами и епископами, а Вера десятилетиями занимала официальные должности в монастыре, прежде чем занять пост настоятельницы. Кроме того, поскольку для поступления в монастырь женщинам больше не требовалось иметь собственный источник средств к существованию, так как их нужды обеспечивались из монастырской казны, число монахинь и послушниц увеличилось (с 56 в 1806 г. до 181 в 1857 г.), средний возраст насельниц уменьшился, а число вдов сократилось. Монастырь стал меньше походить на дом престарелых, и больше – на религиозную общину. Это предвосхитило изменения, произошедшие во всем православном женском монашестве Российской империи после отмены крепостного права в 1861 г.

Богатство монастыря в этот период также росло, отчасти потому, что Нижний Новгород становился все более процветающим. Перенесенная из Макарьева в 1817 г. всемирно известная Нижегородская ярмарка принесла в город огромный объем торговли, в том числе и для монахинь. Пожертвования, поступающие от вновь разбогатевших купцов города, часто принимали новую капиталистическую форму постоянных вкладов в банки, обеспечивая монастырю ежегодную сумму процентов, которую можно было тратить. Тем временем государство в значительной степени отказалось от своего прежнего антагонизма по отношению к монастырским земельным владениям, и в течение всего этого периода монастырю предоставлялись пахотные и лесные земли (хотя, как отмечает Вагнер, это означало, что монастырь и его руководство теперь были напрямую вовлечены в иногда враждебные отношения с сельским населением провинции). Это новое богатство помогло поддержать как расширявшиеся проекты монастыря по социальному обеспечению (больница в 1815 г. и школа в 1838 г.), так и проект восстановления после пожара 1808 г. Однако в некоторых случаях это расширение приводило к конфликтам, как, например, в 1840-х гг., когда епископ попытался передать монастырскую школу под свое непосредственное руководство, а не под руководство настоятельницы.

Третья глава нарушает прежнюю хронологическую структуру книги и посвящена анализу религиозной жизни монастыря и его вклада в религиозную жизнь Нижнего Новгорода. Поскольку ни одна из монахинь Крестовоздвиженского монастыря никогда не записывала своих мыслей и впечатлений о религиозной жизни, Вагнер раскрывает эту тему несколькими способами. Во-первых, он рассматривает символику монастырского комплекса. Во-вторых, он анализирует, как размещение

икон Богородицы помогло сформировать религиозный опыт сестер и сплотить их общину. В-третьих, он анализирует труды по православной литургике и их роль в формировании общины. В-четвертых, он рассматривает, как «сакрализирующие истории» (то есть истории, рассказанные монахинями и посторонними людьми о членах общины) служили примером самодисциплины, смирения и других монашеских добродетелей. В-пятых, он раскрывает роль монастыря как места поклонения и паломничества, а также участие монахинь в общегородских крестных ходах. Особый интерес представляет обсуждение посещений Нижнего Новгорода и монастыря Оранской иконой Божией Матери. Наконец, автор рассматривает визиты царственных особ в монастырь в XIX в., которые придали обители общенациональный престиж.

Возвращаясь к трансформации монастыря в XIX в., Вагнер в своей четвертой главе рассматривает период с 1861 примерно по 1900 г. Еще до отмены крепостного права население монастыря Воздвижения Креста становилось все более молодым и все более плебейским. Это продолжалось и в последующий период. Средний и медианный возраст поступающих в монастырь снизился до 20 лет и даже моложе: к концу века число незамужних женщин, поступавших в монастырь, возросло почти до 100%. Крестьянки составляли около трети женщин, живших в монастыре. Это отражало развитие событий в самом Нижнем Новгороде: недавно освобожденные крестьяне стекались в город на сезон или на постоянное место жительства в поисках работы на новых промышленных предприятиях. Богатство монастыря также продолжало расти и трансформироваться как с точки зрения социального происхождения дарителей, так и с точки зрения используемых финансовых инструментов. Используя богатство в качестве параметра, Вагнер рассматривает появление двух типов женских монашеских общин в Нижегородской епархии к началу XX в.: богатых городских монастырей (всего девять, включая Крестовоздвиженский женский монастырь) и «литургическо-земледельческих коммун» (всего 11). Первые были полноценной частью зарождавшейся капиталистической экономики (получая значительную часть дохода от процентов по финансовым инструментам), предлагали широкий спектр услуг окружающим общинам и привлекали большое количество высокопоставленных посетителей, жертвователей и паломников; вторые были зачастую гораздо более отдаленными и бедными, обеспечивая себя за счет сельскохозяйственных работ и предлагая окружающим общинам гораздо меньше.

Однако новое богатство Крестовоздвиженского женского монастыря стало причиной напряженных отношений с церковными властями. Во-первых, поскольку Русская православная церковь стремилась расширить свои собственные социальные программы, ей нужен был источник финансирования: некоторые представители руководства епархии (особенно среди приходского духовенства) рассматривали монастыри в качестве таких источников. Однако и Крестовоздвиженский монастырь, и другие нижегородские обители оказались не готовы

вносить значительный вклад в эти новые программы, в том числе и потому, что их доходы едва покрывали собственные нужды. Это вызвало споры между руководством монастыря и епархиальным управлением. Во-вторых, необходимость вести современную бухгалтерию, чтобы справиться с богатством монастыря, привела в 1903 г. к скандалу: игуменья Асефена (II), несмотря на десятилетия заслуженного служения, была обвинена в присвоении монастырских средств. Как выяснилось, она была невиновна. Ее главной виной стала неспособность соответствовать стандартам, предъявлявшимся к современному ведению финансовой документации.

Пятая глава книги посвящена событиям 1900–1914 гг. После обсуждения того, как монастырь оказывал поддержку слабеющему имперскому режиму, Вагнер рассматривает труды двух духовников монастыря начала XX в., отцов Петра Альбицкого и Александра Троицкого. Используя довольно резкий консервативный церковный журнал «Нижегородский церковно-общественный вестник», Альбицкий и Троицкий стремились бороться с влиянием социализма в российском обществе, особенно с его якобы пагубным воздействием на женщин и семью. Для обоих церковных писателей монастыри должны были служить бастионами традиционного русского уклада. Однако в церковной и светской прессе, а также в церковной бюрократии монастыри подвергались все большей критике как за якобы скрытые богатства, так и за якобы неподобающее поведение монахов. Это вызвало синодальные расследования о женских и мужских монастырях империи, проведение съезда монашествующих в 1909 г. и широкие обсуждения реформ. Однако, как отмечает ученый, женское монашество практически не упоминалось и не было представлено в этих дискуссиях, несмотря на то, что его численность значительно выросла в течение XIX в.: в Нижегородской епархии к 1917 г. насчитывались 21 женский монастырь и община и всего восемь мужских монастырей.

Это заставило исследователя задуматься о том, почему женское монашество оказалось столь успешным в течение XIX и в начале XX в. После отмены крепостного права в 1861 г. ограниченное количество свободных земель и быстрый рост численности населения спровоцировали снижение уровня жизни в сельской местности. Кроме того, рост сезонной миграции привел к тому, что молодые женщины оказались лишены относительной безопасности. К тому же снижался престиж брака и семейной жизни. Да и в сельской местности теперь можно было получить базовое образование в таких учреждениях, как земство и православный приход, что повышало уровень грамотности, однако возможностей использовать эти новые навыки оставалось мало. А монастыри предлагали крестьянским девушкам, в частности, безопасную альтернативную общину, которая часто повторяла крестьянскую деревню в ее распорядке, правилах и требованиях.

Рост грамотности и улучшение транспортного сообщения также давали благочестивым молодым женщинам возможность либо читать

о монастырях, либо непосредственно посещать их, что впоследствии вдохновляло их на вступление в сплоченные общины, объединенные, как они надеялись, общим благочестием. Поступив в монастырь, те, у кого были способности и желание, могли получить возможность заниматься работой, которую редко поручали им в деревне, например, ухаживать за больными, преподавать, заниматься финансовым администрированием и управлять общиной. Однако, как особо подчеркивает Вагнер, поступление в монастырь по-прежнему ставило женщин в подчиненное положение по отношению как к институту, в котором доминировали мужчины (православной церкви), так и к крайне консервативным представлениям о возможностях и социальной роли женщин.

В заключительной главе автор рассказывает о борьбе за сохранение Крестовоздвиженского женского монастыря с 1917 г. до его закрытия в 1935 г. В этот период монастырь лишился значительной части своего недвижимого и движимого имущества. Как и на протяжении предыдущих 200 лет, руководство монастыря продемонстрировало способность адаптироваться к меняющимся внешним условиям, разрабатывая стратегии, направленные на сохранение жизни общины и ее роли в Нижнем Новгороде, но при этом подчиняясь законам новой советской власти. Его насельницам помогло довольно грубое советское понимание религиозных общин, согласно которому считалось, что если материальные богатства монастырей будут изъяты, а старшие их члены либо репрессированы, либо осмеяны, то младшие члены с радостью покинут их и согласятся на «перевоспитание». Однако к 1930-м гг. от этой идеи отказались в пользу широкомасштабных репрессий против монашеских общин: это было одно из изменений, к которому монастырь Воздвижения Креста приспособиться уже не смог.

В заключение рецензии следует отметить, что книга Уильяма Вагнера представляет собой солидную работу о русском православном монашестве в имперский период. Исследование опирается на тщательно подобранные неопубликованные и опубликованные источники, а также на соответствующую отечественную и зарубежную историографию. Сопоставления нижегородских событий с национальными и международными позволяют автору рассматривать как отдельный монастырь, так и русское монашество в целом в широком контексте, что делает работу полезной для специалистов в других областях, помимо истории Русской православной церкви.

Однако выводы, к которым приходит Вагнер, не отличаются особой оригинальностью, во многом повторяя те, что были сделаны в других исследованиях, посвященных монастырям имперского периода. Выбор объекта исследования – Крестовоздвиженского женского монастыря – является одновременно и самой сильной, и самой слабой стороной работы. С одной стороны, автор позволяет читателю увидеть развитие монашеской общины, расположенной в самом сердце одного из малоизученных промышленных и торговых центров императорской России, что демонстрирует, как тесно были переплетены процессы модерниза-

ции в городе и в монастыре. Однако, с другой стороны, очевидно, что архивная и источниковая база самого монастыря весьма ограничена: в отличие от других монастырей, монахини Крестовоздвиженского монастыря не создавали никаких эго-документов или других видов письменных источников, которые позволили бы заглянуть во внутреннюю жизнь насельниц. По этой причине Вагнер часто предпринимает пространные экскурсии о жизни русского православного монашества в целом. Иными словами, контекст исследования часто становится его главным предметом. Тем не менее, эта проблема не снижает ценности данного исследования, хорошо проведенного, концептуально насыщенного, структурно продуманного и красноречиво написанного: оно, несомненно, будет интересно и специалистам, и студентам, и широкой публике.

Библиографические ссылки

Богданова А. В. Соловецкий монастырь в Екатерининскую эпоху. Из истории секуляризационной реформы 1764 года. М. : Изд-во ПСТГУ, 2018. 319 с.

Денисов Д. Н. Монастыри Оренбургского края. Оренбург : [Б. и.], 2017. 281 с.

Дмитрук С. Православные женские монастыри Холмско-варшавской и Холмской епархии в 1875–1915 гг. // Вестн. Екатеринбург. духов. семинарии. 2012. Вып. 2 (4). С. 111–124.

Евфимия (Паценко). Очерки из жизни православных северных женских монастырей середины XIX – начала XX в. Архангельск : Правосл. изд. центр, 2007. 277 с.

Ефремова О. Н. Проблемы монашествующих в Псковской епархии в 1903–1910 гг. и попытки их разрешения преосвященным Арсением (Стадницким) // Вестн. ПСТГУ. 2017. Вып. 76. С. 37–53.

Емченко Е. В. Благотворительная и просветительская деятельность женских монастырей и общин в синодальный период // Женщина в православии. Церковное право и российская практика / сост. Е. В. Белякова, Н. А. Белякова, Е. В. Емченко. М. : Кучково поле, 2011. С. 252–299.

Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество. М. : Verbum-M, 2002. 319 с.

Монастырь и тюрьма. Места заключения в западной Европе и в России от Средневековья до модерна / сост. К. Махотина, Ф. Бретшнейдер, М. Мучник, М. Ауст. М. : Новое лит. обозрение, 2023. 320 с.

Овчинников В. А. Православные монастыри и женские общины Томской епархии во второй половине XIX – начале XX века. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. 255 с.

Монашество и монастыри в России. XI–XX века : ист. очерки / сост. Н. В. Синицына. М. : Наука, 2002. 344 с.

Смолич И. К. Русское монашество, 988–1917. М. : Правосл. энцикл., 1997. 606 с.

Шкаровский М. В. Судьба монастырей Санкт-Петербургской епархии в XX веке // Ист. краеведение и архивы. 2001. Вып. 7. С. 404–411.

Brown C. G. The Death of Christian Britain: Understanding Secularization, 1800–2000. L. : Routledge, 2001. 272 p.

Demoskoff A. J. Penance and Punishment: Monastic Incarceration in Imperial Russia : PhD Diss. Alberta : [S. n.], 2016. VIII, 296 p.

Kenworthy S. M. The Heart of Russia: Trinity-Sergius, Monasticism, and Society after 1825. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2010. XV, 528 p.

Meehan-Waters B. Popular Piety, Local Initiative, and the Founding of Women's Religious Communities in Russia, 1764–1904 // St Vladimir's Theological Quarterly. 1986. Vol. 30, № 2. P. 117–142.

Michelson P. L. Beyond the Monastery Walls. The Ascetic Revolution in Russian Orthodox Thought, 1814–1914. Madison : Univ. of Wisconsin Press, 2017. XI, 307 p.

Miller M. L. Under the Protection of the Virgin: The Feminization of Monasticism in Imperial Russia, 1700–1923 : PhD Diss. Waltham : [S. n.], 2009. 376 p.

Orsi R. A. Between Heaven and Earth: The Religious Worlds People Make and the Scholars Who Study Them. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 2005. XIV, 245 p.

Wagner W. G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford : Clarendon, 1994. 480 p.

Wagner W. G. 'Orthodox Domesticity': Creating a Social Role for Women // Sacred Stories: Religion and Spirituality in Modern Russian Culture / ed. by M. D. Steinberg, H. Coleman. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2007. P. 119–145.

Wagner W. G. Orthodox Sisters. Religion, Community, and the Challenge of Modernity in Imperial and Early Soviet Russia. Ithaca : Northern Illinois Univ. Press, 2024. 404 p.

White J. M. Russian Orthodox Monasticism in Riga Diocese, 1881–1917 // Canadian Slavonic Papers. 2020. Vol. 62, № 3–4. P. 373–398. DOI 10.1080/00085006.2020.1786619.

References

Bogdanova, A. V. (2018). *Solovetskii monastyr' v Ekaterininskuyu epokhu. Iz istorii sekulyarizatsionnoi reformy 1764 goda* [Solovetsky Monastery in the Catherinian Period. From the History of the Secularisation Reform of 1764]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 319 p.

Brown, C. G. (2001). *The Death of Christian Britain: Understanding Secularization, 1800–2000*. L., Routledge. 272 p.

Demoskoff, A. J. (2016). *Penance and Punishment: Monastic Incarceration in Imperial Russia*. PhD Diss. Alberta, S. n. VIII, 296 p.

Denisov, D. N. (2017). *Monastyr'i Orenburgskogo kraia* [The Monasteries of Orenburg Region]. Orenburg, S. n. 281 p.

Dmitruk, S. (2012). Pravoslavnye zhenskie monastyr'i Kholmско-varshavskoi i Kholmскоi eparkhii v 1875–1915 gg. [Orthodox Convents in the Kholm-Warsaw and Kholm Dioceses, 1875–1915]. In *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. Iss. 2 (4), pp. 111–124.

Efremova, O. N. (2017). Problemy monashestvuyushchikh v Pskovskoi eparkhii v 1903–1910 gg. I popytki ikh razresheniya preosvyashchennym Arseniem (Stadnitskim) [The Problems of Monastics in Pskov Diocese from 1903 to 1910 and the Efforts of Archbishop Arsenii (Stadnitskii) to Resolve Them]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Iss. 76, pp. 37–53.

Emchenko, E. B. (2011). Blagotvoritel'naya i prosvetitel'skaya deiatel'nost' zhenskikh monastyrej i obshchin v sinodal'nyi period [The Charitable and Educational Activities of Convents and Communities in the Synodal Period]. In Belyakova, E. V., Belyakova, N. A., Emchenko, E. V. (Eds.). *Zhenshchina v pravoslavii. Tserkovnoe pravo i rossiiskaya praktika*. Moscow, Kuchkovo pole, pp. 252–299.

Evfimiya (Pashchenko). (2007). *Ocherki iz zhizni pravoslavnykh severnykh zhenskikh monastyrej serediny XIX – nachala XX v.* [Essays from the Life of Northern Orthodox Convents from the Middle of the Nineteenth Century to the Beginning of the Twentieth Century]. Arkhangel'sk, Pravoslavnyi izdatel'skii tsentr. 277 p.

Kenworthy, S. M. (2010). *The Heart of Russia: Trinity-Sergius, Monasticism, and Society after 1825*. N. Y., Oxford Univ. Press. XV, 528 p.

Makhotina, K., Bretshneider, F., Muchnik, M., Aust, M. (Eds.). (2023). *Monastyr' i tyur'ma. Mesta zaklyucheniya v zapadnoi Evrope i v Rossii ot srednevekov'ya do moderna* [Monastery and Prison. Places of Imprisonment in Western Europe and Russia from the Middle Ages to the Modern Age]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 320 p.

Meehan-Waters, B. (1986). Popular Piety, Local Initiative, and the Founding of Women's Religious Communities in Russia, 1764–1904. In *St Vladimir's Theological Quarterly*. Vol. 30. No. 2, pp. 117–142.

Michelson, P. L. (2017). *Beyond the Monastery Walls. The Ascetic Revolution in Russian Orthodox Thought, 1814–1914*. Madison, Univ. of Wisconsin Press. XI, 307 p.

Miller, M. L. (2009). *Under the Protection of the Virgin: The Feminization of Monasticism in Imperial Russia, 1700–1923*. PhD Diss. Waltham, S. n. 376 p.

Orsi, R. A. (2005). *Between Heaven and Earth: The Religious Worlds People Make and the Scholars Who Study Them*. Princeton, NJ, Princeton Univ. Press. XIV, 245 p.

Ovchinnikov, V. A. (2004). *Pravoslavnye monastyri i zhenskies obshchiny Tomskoi eparkhii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [The Orthodox Monasteries and Women's Communities of Tomsk Diocese in the Second Half of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat. 255 p.

Shkarovskii, M. V. (2001). Sud'ba monastyrei Sankt-Peterburgskoi eparkhii v XX veke [The Fate of the Monasteries of St Petersburg Diocese in the Twentieth Century]. In *Istoricheskoe kraevedenie i arkhivy*. Iss. 7, pp. 404–411.

Sinitsyna, N. V. (Ed.). (2002). *Monashestvo i monastyri v Rossii. XI–XX veka. Istoricheskie ocherki* [Monasticism and Monasteries in Russia from the Eleventh to the Twentieth Centuries. Historical Essays]. Moscow, Nauka. 344 p.

Smolich, I. K. (1997). *Russkoe monashestvo, 988–1917* [Russian Monasticism, 988–1917]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya. 606 p.

Wagner, W. G. (1994). *Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia*. Oxford, Clarendon. 480 p.

Wagner, W. G. (2007). 'Orthodox Domesticity': Creating a Social Role for Women. In Steinberg, M. D., Coleman, H. (Eds.). *Sacred Stories: Religion and Spirituality in Modern Russian Culture*. Bloomington, Indiana Univ. Press, pp. 119–145.

Wagner, W. G. (2024). *Orthodox Sisters. Religion, Community, and the Challenge of Modernity in Imperial and Early Soviet Russia*. Ithaca, Northern Illinois Univ. Press. 404 p.

White, J. M. (2020). Russian Orthodox Monasticism in Riga Diocese, 1881–1917. In *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 62. No. 3–4, pp. 373–398. DOI 10.1080/00085006.2020.1786619.

Zyryanov, P. N. (2002). *Russkie monastyri i monashestvo* [Russian Monasteries and Monasticism]. Moscow, Verbum-M. 319 p.

The article was submitted on 22.04.2024